

Новый подход к оценке эффективности международных институтов

Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления¹

М.В. Ларионова

Ларионова Марина Владимировна — д.полит.н., директор Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ; 101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: mlarionova@hse.ru

В последние десятилетия мы наблюдаем драматические изменения в системе международных отношений. Одной из основных тенденций является «быстрый рост и диверсификация акторов, форумов и способов их организации для ответа на глобальные вызовы», ведущих к так называемой фрагментации системы глобального управления. Однако «конкурентная многосторонность» имеет и позитивную сторону, поскольку появление новых многосторонних институтов, заявляющих о своей лидерской роли в определении повестки дня глобального управления, создает альтернативные источники обеспечения общих благ. Новые институты со временем обретают собственную идентичность (actorness) и занимают свое место в системе глобального управления. В определенных сферах наблюдается тенденция лидерства «многосторонних институтов высшего уровня». Три наиболее ярких примера включают такие институты, как «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС, влияние которого растет на региональном и глобальном уровне. Новые неформализованные клубы работают по своей повестке дня. Одновременно в ходе управления процессами глобального управления они взаимодействуют с другими международными организациями. Трансформационные тенденции в международных отношениях, появление новых акторов, напряженность в отношениях между инклюзивными и эксклюзивными клубами, требование к легитимности и эффективности международных институтов в совокупности определяют актуальность изучения, систематизации и сравнительного анализа моделей взаимодействия международных институтов и их эффективности.

В данной статье для формирования аналитической парадигмы исследования реализованы три задачи. Во-первых, дается анализ основных понятий. Во-вторых, в качестве теоретической основы анализа обосновывается подход рационального выбора в институционализме. В-третьих, формулируются гипотезы исследования. Предполагается, что неформальные институты высшего уровня компенсируют свою неэффективность через взаимодействие с другими международными организациями, выбирая путь взаимодействия с существующими институтами в рамках модели, которую они считают наиболее эффективной для достижения своих целей. При этом модели взаимодействия неформальных институтов высшего уровня с международными организациями отражают их место и роль в архитектуре глобального управления, предназначенную им отцами-основателями при основании и закреплению в ходе дальнейшей

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований (Модели взаимодействия международных институтов в процессе осуществления многостороннего управления в сферах макроэкономической политики, финансового регулирования, международной торговли и инвестиций), проект № 15-07-00022.

Статья поступила в редакцию в октябре 2015 г.

эволюции. Ожидается, что модель «управления в союзе с многосторонними организациями» повышает эффективность неформальных институтов высшего уровня.

В Заключении приводятся выводы по результатам апробации методологии на примере взаимодействия БРИКС с другими международными институтами в процессе осуществления многостороннего управления. Результаты апробации показывают, что БРИКС решает задачи повышения эффективности коллективных действий по приоритетам повестки дня на основе взаимодействия с международными институтами на различных уровнях. Для БРИКС характерны два типа взаимодействия с международными организациями: «каталитическое воздействие» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций) и «параллельное управление» (создание собственных механизмов). Создавая новые институты, БРИКС одновременно укрепляет сотрудничество с другими международными организациями. Выбор участниками объединения модели взаимодействия с международными организациями зависит от сферы и этапа становления сотрудничества, специфики организаций, которые они считают наиболее эффективными для достижения своих целей. Модели не являются взаимоисключающими, но сосуществуют и трансформируются в процессе взаимодействия. Так, с профильными организациями ООН и ВТО взаимодействие развивается по модели «каталитического воздействия», в то время как с «Группой двадцати» отмечается нереализованная тенденция к взаимодействию по модели «управление в союзе с многосторонними институтами». Создание и становление новых институтов позволяет прогнозировать включение в практику взаимодействия БРИКС с международными организациями по модели «управления в союзе с многосторонними организациями».

Ключевые слова: глобальное управление, неформальные многосторонние институты, модели взаимодействия, эффективность, легитимность, теория рационального выбора, «Группа двадцати», БРИКС

Введение: КОНТЕКСТ И ВЫЗОВЫ

В последние десятилетия мы наблюдаем драматические изменения в мире вокруг нас. Двуполярный миропорядок исчез, период однополярного миропорядка прошел, возникает новый многополярный глобальный порядок.

В этом «трещащем по швам» [Naas, 2014] глобализованном мире тесно связаны между собой геополитические, экономические, климатические, общественные и технологические вызовы. Они «выходят за пределы границ и сфер влияния, и требуют объединения усилий различных субъектов (международных отношений). Одновременно существующие риски ставят под угрозу доверие и возможности сотрудничества, необходимые для адаптации к вызовам новых глобальных условий» [WEF, 2015].

Эти вызовы и их восприятие стимулировали трансформационные процессы в международных отношениях. Одной из основных тенденций является «быстрый рост и диверсификация акторов, форумов и способов их организации для ответа на глобальные вызовы», ведущие к так называемой фрагментации системы глобального управления [Egel, 2015, p. 5]. Однако фрагментация часто также рассматривается как «конкурентная многосторонность», позитивная тенденция, поскольку институциональное разнообразие может обеспечить лучшие результаты, чем «теряющее динамику сотрудничество в рамках существующих механизмов», сиюминутно ответить на устойчивые и новые вызовы [Ibid.].

Несмотря на увеличивающееся количество международных акторов, включая негосударственных акторов, правительства и международные организации, как формализованные, так и неформальные, остаются ключевыми игроками. Именно на государствах, как признанных, так и возвышающихся центрах силы, как основных игроках и их агентах — международных институтах (глобальных и региональных, многосторон-

них и плюрилатеральных) лежит ответственность за то, чтобы формирующийся многополярный мир был стабильным и благоприятным для благополучия граждан.

Появление неформальных многосторонних институтов, заявляющих о своей лидерской роли в определении повестки дня глобального управления, создает альтернативные источники обеспечения общих благ. Эти новые «многосторонние институты высшего уровня»²: «Группа семи/восьми», и в последние годы «Группа двадцати» и БРИКС находятся в центре галактики институтов глобального управления. Три наиболее ярких примера включают такие институты, как «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС, влияние которого растет на региональном и глобальном уровне.

Новые неформализованные клубы работают по своей повестке дня. Одновременно в ходе управления процессами глобального управления они взаимодействуют с другими международными организациями. Формализованные институты «с системой ООН в центре организованного многостороннего порядка» [Thakur et al., 2014, p. 1] нуждаются в реформировании и не могут ответить на взаимосвязанные устойчивые и вновь возникающие вызовы без участия новых институтов. Межинституциональные механизмы сотрудничества подвергаются трансформации, формируются новые модели сотрудничества.

В определенных сферах наблюдается тенденция лидерства «многосторонних институтов высшего уровня» (Plurilateral summitry institutions). Так, в сфере финансового регулирования «двадцатка» приняла на себя ответственность за выработку решений по формированию новых правил уже с первого саммита в Вашингтоне, передавая мандаты на разработку и имплементацию конкретных инициатив профильным международным организациям.

БРИКС приняла другой подход, характерный также для «Группы семи» в первые годы ее существования: транслируя импульсы международным организациям; решая проблемы через механизмы, существующие в рамках института [Putnam, Waune, 1987, p. 156–157], или создавая новые собственные институты, такие как Новый банк развития.

Здравый смысл и рациональный подход подсказывают, что эффективность глобального управления выиграет от сочетания трех подходов, практикуемых «многосторонними институтами высшего уровня»: «каталитического воздействия» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций), «ядра, влияющего на систему» (определение нового направления действий для других организаций) и «параллельного управления» (создания собственных механизмов).

Первые два подхода, особенно в отношении ООН, МВФ, ВБ, ВТО и ОЭСР, а также ключевых региональных организаций, несомненно, будут способствовать повышению устойчивости, легитимности и эффективности архитектуры глобального управления. Модель «параллельного управления», хотя и может первоначально создавать напряженность и вызывать опасения относительно соперничества или конкуренции, заполняет лакуны в управлении, обеспечивает потребности членов «многосторонних институтов высшего уровня», создающих новые механизмы, а также других субъектов международных отношений. Новые институты со временем обретают собственную идентичность (actorness) и занимают свое место в системе глобального управления.

Трансформационные тенденции в международных отношениях, появление новых акторов, напряженность в отношениях между инклюзивными и эксклюзивными клубами, требование к легитимности и эффективности международных институтов

² Во втором разделе статьи, представляющем основные понятия, дано определение «многосторонних институтов высшего уровня».

в совокупности определяют актуальность изучения, систематизации и сравнительного анализа моделей взаимодействия международных институтов и их эффективности.

Основные концепции (понятия) и аналитическая парадигма исследования

Для формирования аналитической парадигмы исследования в данном разделе реализованы три задачи. Во-первых, дается анализ основных понятий. Во-вторых, подход рационального выбора в институционализме обосновывается в качестве теоретической парадигмы исследования. В-третьих, формулируются гипотезы исследования.

Основные понятия

Более десятилетия назад Р. Кеохэйн и Дж. Най охарактеризовали *глобализацию*, с одной стороны, как состояние мира, окутанного сетями взаимозависимости, охватывающими многие континенты; с другой стороны, как одновременно действующие экономические, социальные, военные и климатические процессы, которые усиливают или «уплотняют» эти сети [Keohane, Nye, 2001, p. 1]. Тогда же Джеймс Розенау, размышляя о будущем глобального управления в XXI в., определил *управление* как процесс, в рамках которого организация или общество направляет свое развитие, и центральное значение для которого имеют динамика коммуникации и контроль за процессом [Rosenau, 1995, p. 14]. В условиях усиливающейся глобализации, взаимозависимости, дезагрегации, быстрого роста механизмов контроля, управление не является константным. Это непрерывный процесс эволюции, который «колеблется между порядком и беспорядком по мере изменения условий, появления и консолидации новых качеств» [Ibid., p. 18]. Сочетание влияния этих противоречивых тенденций ведет к снижению способности управления на национальном уровне, подталкивая правительства к выработке механизмов коллективного управления на транснациональном уровне [Ibid., p. 19]. Импульсы кооперации, стимулируемые разочарованием в существующей системе или ожиданиями того, что новые механизмы будут способны ответить на устойчивые вызовы, встречают сопротивление и оппозицию, поскольку «любое расширение управления может иметь нежелательные последствия для тех игроков, которые имеют выгоды в существующих условиях status quo» [Ibid., p. 21]. Тем не менее система глобального управления развивается в надежде, что новые многосторонние институты смогут эффективно реагировать на вызовы, которые «загромождают глобальную повестку дня» [Ibid., p. 39].

Формирующееся *глобальное управление* «представляет собой многоуровневые и сетевые отношения и взаимодействия для управления различными сферами и связями между ними. Оно включает формальные и неформальные механизмы, которые обеспечивают (должны обеспечивать) порядок и стабильность в постоянно меняющемся мире — широкий диапазон международного сотрудничества без мирового правительства» [Thakur et al., 2014, p. 1]. «По сути глобальное управление представляет собой совокупность законов, норм, политик и институтов, которые определяют, составляют и являются связующими звеньями в отношениях между гражданами, обществами, рынками и государствами в международной системе — субъектами и объектами осуществления международной общественной власти» [Ibid., p. 1]. Глобальное управление осуществляется государствами, формальными и неформальными межправительственными институтами, транснациональными сетями, бизнес-корпорациями

и негосударственными организациями. В нашем исследовании мы сосредоточимся на «многосторонних институтах высшего уровня» и их взаимодействии с международными формализованными организациями в процессе глобального управления.

Суть концепции «многосторонности» составляют коллективно согласованные нормы, правила и принципы, которые направляют и управляют поведением государств в международных отношениях. *Регионализм* является особой формой многосторонности [Renard, 2015, p. 4]. Все многосторонние институты основаны на общих принципах взаимности, при которых государства реализуют общие задачи и соглашаются действовать в сотрудничестве [Hampson, Heinbecker, 2011, p. 300].

Международный институт — общий термин, применяемый для обозначения международных организаций, режимов и клубов, различающихся по уровню институционализации, но обеспечивающих возможность сотрудничества на основе установленных правил, норм и информации. Р. Кеохэйн и Дж. Най считают *режимы* центральной составляющей в международных отношениях, важнейшим изобретением, позволяющим правительственным элитам совместно управлять взаимозависимостью: «Глобализм начала XXI в. организован вокруг международных режимов и сопровождающих их международных организаций, от Всемирной торговой организации до Всемирной организации по туризму». Правила и нормы, составляющие режимы, регулируют отношения их членов в соответствующих сферах международных отношений [Keohane, Nye, 2001, p. 2].

Р. Кеохэйн и Дж. Най утверждают, что до конца «холодной войны» большинство экономических организаций действовали как *клубные институты*, т.е. институты, в которых доминировало небольшое количество богатых и разделяющих общие приоритеты стран [Ibid.]. Однако критика «клубной модели управления» усилилась с началом XXI в. в связи с усилением роли развивающихся стран в мировой экономике и растущим осознанием нелегитимности клубной модели. Следует отметить, что существуют различные определения концепции клубных механизмов. «Клубные институты» могут рассматриваться как гибкие, неинституционализированные межгосударственные платформы взаимодействия [Drezner, 2007] или как группы с четкими правилами, ясными и исключительными преимуществами для членов, высоким уровнем защиты от внешнего давления. Ряд авторов считает, что клубы необязательно подразумевают идеологическую общность членов, позиции которых могут различаться по ряду политических и экономических аспектов [Reay, 2012]. Кроме того, к клубным механизмам также иногда относят негосударственные структуры, объединяющие граждан — представителей высокого уровня государственного и частного секторов, а также академического сообщества, например, «Группа тридцати» [Tsingou, 2014, p. 226].

В последние годы, в связи с возникновением БРИКС, становлением «Группы двадцати» на уровне глав государств и правительств, все больше внимания уделяется анализу многосторонних институтов, встречающихся на уровне лидеров (*summit institutions*). «*Многосторонние институты высшего уровня*» — институты, которые, как правило, характеризуются ограниченным членством, относительно низким уровнем бюрократии, гибкостью форматов взаимодействия, опорой на принципы консенсуса в принятии решений и добровольности их исполнения. Регулярные встречи глав государств и правительств для координации позиций по широкому кругу вопросов международной, региональной и национальной политики являются вершиной (*summit*) таких институциональных образований, включающих достаточно большое количество акторов взаимодействующих по сложившимся процедурам на двух уровнях: национальном и международном. Обязательства, зафиксированные в коллективных до-

кументах, не являются юридически обязательными для исполнения, имплементация решений стимулируется взаимными ожиданиями и давлением со стороны партнеров. Примерами подобных институтов в глобальном и региональном управлении являются «Группа семи/восьми», «Группа двадцати», БРИКС, АТЭС и другие. Диалог лидеров для определения направлений коллективных действий, выработки общих решений, исполнения принятых обязательств, развития глобального управления и решения задач политического управления на национальном уровне составляет суть и определяет уникальный характер «многосторонних институтов высшего уровня».

Неформальные институты высшего уровня, будучи эксклюзивными клубами, часто являются объектом критики и обвинений в нелегитимности и неэффективности. Легитимность и эффективность имеют различные измерения. *Легитимность* определяется как приемлемость института, его правил, решений и действий для членов института, нечленов и других международных институтов. Входящие характеристики легитимности включают три индикатора: модель принятия решений; прозрачность (открытость и подотчетность, как внутренняя, так и внешняя, ex-ante и ex-post); и инклюзивность (количество стран-членов, количество приглашенных стран, количество вовлеченных международных организаций). Выходные характеристики легитимности включают три критерия: принятые обязательства (конкретные, согласованные и публично заявленные решения); исполнение решений и результаты (изменения на национальном и/или международном уровне)³. Легитимность, особенно в части, касающейся выходных характеристик, тесно коррелирует с эффективностью. *Эффективность* понимается как способность членов института согласовать коллективные обязательства, обеспечить исполнение принятых решений и осуществить политические изменения, необходимые для решения коллективных проблем⁴. В исследовании эффективность рассматривается как способность неформальных институтов высшего уровня согласовать коллективные или скоординированные действия и исполнить принятые обязательства, привлекая другие институты для достижения своих целей и реализации миссии и функций, для которых их учредили страны-члены.

Аналитическая парадигма

В качестве аналитической основы исследования была принята *теория рационального выбора институционализма*. Одна из причин заключается в том, что в своем подходе к анализу происхождения институтов теория рационального выбора институционализма обращается, «прежде всего, к функциям, которые институты выполняют, и преимуществам, которые они обеспечивают» [Hall, Taylor, 1996, p. 952]. Данный подход наилучшим образом объясняет не только происхождение институтов, но и их существование, эволюцию и взаимодействие с другими институтами. Мы разделяем фундаментальную позицию теории рационального выбора институционализма: государства создают институты, поскольку они осознают выгоды, получаемые в результате выполнения институтами возложенных на них *функций* [Rosamond, 2000, p. 116].

Рациональный подход особенно уместен при анализе неформальных институтов высшего уровня, объединяющих государства разных континентов, цивилизаций и уровня экономического развития. Его положения, безусловно, применимы к анализу происхождения и деятельности «Группы двадцати» и БРИКС. Во-первых, страны-члены действуют стратегическим образом, чтобы извлечь максимальные преимущества и обе-

³ Определение опирается на работу [Gnath et al., 2012].

⁴ Ibid.

спечить достижение своих приоритетов. Во-вторых, саммиты являются уникальными механизмами, в которых стратегическое взаимодействие между лидерами определяет политические результаты. В-третьих, как пишут Питер Холл и Розмари Тейлор, теория рационального выбора институционализма аналитически наиболее выигрышна в применении к исследованию режимов, в которых для обеспечения институциональных изменений необходим консенсус между акторами примерно равного уровня и привыкших к стратегическим действиям — характеристики, типичные для неформальных институтов высшего уровня. В-четвертых, институты создаются волеизъявлением лидеров соответствующих стран для осуществления конкретных миссий и функций [Hall, Taylor, 1996]. Так, лидеры стран «Группы двадцати» определили миссию «двадцатки» как ключевого форума их международного экономического сотрудничества [Лидеры «Группы двадцати», 2009, § 19]. БРИКС объединили усилия для создания платформы для диалога и сотрудничества в интересах содействия миру, безопасности и развитию в многополярном, взаимозависимом, все более сложном глобализирующемся мире [Лидеры БРИКС, 2012, § 3], на основе общепризнанных норм международного права и многостороннего подхода к принятию решений [Лидеры БРИКС, 2012, § 4].

Как и любой другой подход, теория рационального выбора институционализма имеет сильные и слабые стороны. Однако слабые стороны рационального подхода не ограничивают возможности нашего анализа. Во-первых, исследование опирается на его ярко выраженный функционализм, что создает условия для *сравнительного анализа деятельности институтов по реализации ключевых функций глобального управления и выявления того, насколько и как неформальные институты высшего уровня компенсируют свою неэффективность через взаимодействие с другими международными организациями.*

Во-вторых, исследование учитывает, что *намерения* отцов — основателей институтов могут не в полной мере пониматься или реализовываться, так как создатели могут не вполне осознавать эффекты от работы учрежденных ими институтов или контролировать ход их развития и дальнейших событий. Анализ эволюции «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС опирается на допущение, что повестка дня институтов и принимаемые лидерами обязательства отражают намерения, изменяющиеся под влиянием динамики внешних и внутренних условий. *А модели взаимодействия неформальных институтов высшего уровня с международными организациями отражают их место и роль в архитектуре глобального управления, предназначенную им при основании и закреплённую в ходе дальнейшей эволюции.*

В-третьих, на основе осознанного взаимного согласия акторы создают новые институты для реализации важных для них конкретных функций в мире, где уже существует множество организаций. *Для получения максимальных выгод от вновь созданных институтов основатели могут выбрать путь взаимодействия с существующими институтами в рамках модели, которую они считают наиболее эффективной для достижения своих целей.*

В рамках исследования рассматривается взаимодействие «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС с другими международными институтами в процессе реализации функций глобального управления: обсуждение, определение направления действий, принятие коллективных решений, исполнение решений, развитие глобального управления. При этом обсуждение понимается как дискуссии между странами-членами, отраженные в официальных документах. Определение направления действий рассматривается как коллективное подтверждение приверженности общим принципам, нормам или установкам. Принятие решений определяется как убедительное и четко выраженное коллективное обязательство с должным уровнем точности, обязательности и деле-

гирования. Исполнение решений понимается как отраженное в документе утверждение об исполнении коллективного решения, принятого ранее. Развитие глобального управления рассматривается как способность (потенциал) «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС к взаимодействию и использованию других международных институтов и созданию новых механизмов глобального управления [Kirton, 2013, p. 37–39].

До настоящего времени анализ взаимодействия неформальных институтов высшего уровня с международными организациями преимущественно фокусировался на взаимосвязях «Группы семи/восьми» с другими институтами. Четыре академических подхода выделяют наиболее характерные модели взаимодействия «семерки/восьмерки» с многосторонними организациями: управление через многосторонние организации; управление вопреки многосторонним организациям; управление без многосторонних организаций и управление в союзе с многосторонними организациями [Kirton, 2010].

Элла Кокотсис считает, что управление через многосторонние организации способствует повышению эффективности «Группы семи/восьми», поскольку деятельность многосторонних институтов, контролируемых странами – членами «Группы семи/восьми», содействует исполнению обязательств, принятых в рамках саммитов, при условии, что эти организации являются профильными для данных специфических обязательств [Kokotsis, 1999; Kokotsis, Daniels, 1999, p. 75–94].

Подход «управление против многосторонних институтов», разработанный Джоном Киртоном в сопряжении с его моделью «союза равных» между странами – членами «Группы семи/восьми». Он утверждает, что «Группа семи/восьми» движется все далее от стремления к усилению и реформированию институтов, к замене старых многосторонних организаций на альтернативные и созданию нового фундаментально отличного от традиционной системы порядка, построенного вокруг «семерки/восьмерки» (G8-centred system of its own) [Kirton, 2010, p. 25–26].

Третья модель «управление без многосторонних институтов», обоснованная Николасом Бейном, исходит из того, что «Группа семи/восьми» и многосторонние институты находятся в отношениях взаимного сосуществования и отстраненности, если их повестки дня различаются, и отношениях напряженности в ситуациях общности повестки [Waune, 2000, p. 45].

Авторы четвертого подхода исходят из того, что «Группа семи/восьми» и многосторонние организации во всем их многообразии все же создаются для реализации общих целей создания общественного блага и должны действовать как союзники. В условиях возрастающих вызовов для реализации задач глобального управления рациональным выбором «Группы семи/восьми» должен быть выбор в пользу модели управления в союзе с многосторонними институтами [Larionova, 2010, p. 45–46].

Результаты анализа моделей взаимодействия «семерки/восьмерки» с международными организациями в докризисный период (1998–2007 гг.) показывают, что управление через многосторонние организации являлось наиболее предпочтительной моделью поведения клуба (56%). Одновременно наблюдался рост взаимодействия «Группы семи/восьми» в союзе с многосторонними организациями (32%). Эта тенденция особенно выражена в таких сферах, как развитие и здоровье. Однако в более чувствительных сферах безопасности и энергетики доминировала модель управления через многосторонние институты. Отмечено снижение количества решений по реализации действий без многосторонних организаций (6% от общего количества действий). Выбор в пользу этой модели достиг максимальных значений в 2002–2004 гг. (10%) и затем снизился до 4% в 2007 г. [Larionova, 2010, p. 60].

Накопленные данные позволяют предположить, что вышеописанные четыре модели — управление через многосторонние организации, управление вопреки многосторонним организациям, управление без многосторонних организаций и управление в союзе с многосторонними организациями — используются «Группой двадцати» и БРИКС, созданными в 2008 г. и 2009 г. соответственно, а также более зрелым объединением АТЭС.

В рамках исследования осуществляется проверка данного предположения. Модели взаимодействия неформальных институтов высшего уровня с многосторонними организациями прослеживаются в динамике по различным сферам. *Модели и их сочетания рассматриваются как своего рода индикаторы миссии «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС и их изменяющейся роли в архитектуре глобального управления.* Предполагается, что выбор странами-членами неформальных институтов высшего уровня партнерских организаций, моделей и интенсивности взаимодействия является стратегическим, намеренным (продуманным) и добровольным, направленным на извлечение максимальных преимуществ от взаимодействия и компенсацию недостаточной эффективности собственной деятельности.

Гипотеза состоит в том, что модель «управления в союзе» повышает эффективность неформальных институтов высшего уровня при соблюдении трех условий. Во-первых, неформальные институты взаимодействуют с многосторонними организациями по всей цепочке функций глобального управления. Во-вторых, такой союз является селективным, принимая во внимание релевантность и сравнительные преимущества многосторонней организации в конкретной сфере. В-третьих, неформальные институты высшего уровня способны оказывать влияние на многосторонние организации, имеют политическую волю для взаимодействия с ними как партнерами, которые могут внести существенный вклад в реализацию их функций, повышение легитимности и эффективности.

Исследование не рассматривает вопросы желания (воли) других многосторонних организаций взаимодействовать с неформальными институтами высшего уровня. Однако предполагается, что если такое вовлечение наблюдается, оно также является стратегическим, намеренным (продуманным) и добровольным. Также предполагается, что взаимодействие между неформальными институтами высшего уровня и многосторонними организациями представляет собой «дорогу с двусторонним движением» [Kirtan, 2010, p. 24], на которой поддержка неформальными институтами международных организаций является одной из причин их помощи в реализации «Группой двадцати», БРИКС и АТЭС их основных функций.

Гипотеза также предполагает, что четыре модели не являются взаимоисключающими, но сосуществуют в деятельности неформальных институтов. Их выбор зависит от сферы и организации. «Управление через» и «управление в союзе» доминируют, в то время как модели «управление вопреки» и «управление без» используются значительно реже. Комплексный характер многих проблем повестки дня неформальных институтов высшего уровня определяет необходимость их взаимодействия одновременно с несколькими многосторонними организациями в реализации функций глобального управления.

Методология

В исследовании рассматриваются модели взаимодействия «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС с многосторонними международными организациями на примере четырех

сфер политики: макроэкономики, финансового регулирования, международной торговли и инвестиций. Все эти сферы являются центральными в повестке дня данных институтов.

Период исследования включает десятилетие с 2008 г., который был принят за точку отсчета как год начала финансового кризиса, первого саммита «двадцатки» в Вашингтоне и первой встречи лидеров БРИК на полях саммита «восьмерки» на о. Хоккайдо. Десятилетний период позволяет собрать достаточно сопоставимых данных для сравнительного анализа и проследить динамику взаимодействия неформальных институтов высшего уровня с многосторонними международными организациями.

Для проверки предположения об использовании «двадцаткой», БРИКС и АТЭС четырех моделей управления – управление через многосторонние организации; управление вопреки многосторонним организациям; управление без многосторонних организаций и управление в союзе с многосторонними организациями – выполняется контент-анализ всех документов «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС. На первом этапе контент-анализа выявляются и систематизируются все упоминания международных организаций (список многосторонних международных организаций, упоминаемых в документах «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС представлен в Приложении 1). Большинство таких упоминаний относится к моделям «управление через» или «управление в союзе» с многосторонними организациями. Упоминание собственных механизмов неформальных институтов высшего уровня, как правило, является маркером моделей «управления без» или «управления вопреки» многосторонним организациям. В ходе предшествующих исследований был составлен список вербальных маркеров, указывающих на соответствующие модели взаимодействия, который является руководством при классификации упоминаний (Приложение 2).

На втором этапе анализа используется количественный подход с применением двух параметров: количество упоминаний того или иного института за период и интенсивность. Интенсивность рассчитывается как отношение количества упоминаний к количеству символов (включая пробелы и пунктуацию) в документах:

$$D_1 = M_1/S_1,$$

где D_1 – интенсивность упоминаний международных организаций за определенный год (период), M_1 – количество упоминаний организации в этот год (период), и S_1 – общее количество символов в документе за данный год (период). Для большей наглядности результатов D_1 умножается на 10000.

Таким образом, методология позволяет выявить динамику и интенсивность взаимодействия «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС с многосторонними международными организациями, а также динамику и интенсивность избираемых ими моделей по конкретным организациям в четырех сферах политики: макроэкономике, финансовом регулировании, международной торговле и инвестициях. Одновременно анализ позволяет выявить динамику и интенсивность использования моделей «управления без» и «управления вопреки» международным организациям.

Для оценки того, насколько и как неформальные институты высшего уровня взаимодействуют с многосторонними международными организациями при реализации всей цепочки функций глобального управления, во всех документах «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС в ходе контент-анализа выделяются единицы текста, относящиеся к соответствующим функциям. Единица текста может быть отнесена только к одной функции. Для осуществления количественного анализа используются абсолютные и относительные данные. Абсолютные данные количества символов, выражающих опре-

деленную функцию в единице текста, переводятся в относительные данные, рассчитываемые как доля функции в общем массиве текстов за период. Доля соответствующей функции в тексте выражается в процентах.

Такое «препарирование» документов «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС позволяет выявить интенсивность и предпочитаемую неформальными институтами высшего уровня модель взаимодействия с международными организациями в рамках различных функций глобального управления, которые они выполняют: обсуждения, определения направления действий, принятия коллективных решений, исполнения решений, развития глобального управления. Кроме того, данный метод дает возможность выделить функции, которые «двадцатка», БРИКС и АТЭС предпочитают осуществлять без или вопреки многосторонним организациям.

Результаты апробации

В рамках первого этапа исследования методология была апробирована на примере анализа взаимодействия БРИКС с другими международными институтами в процессе осуществления многостороннего управления. Результаты апробации показывают, что БРИКС решает задачи повышения эффективности коллективных действий по приоритетам повестки дня на основе взаимодействия с международными институтами на различных уровнях. К настоящему моменту в документах БРИКС зафиксировано 636 упоминаний 48 международных институтов, при этом их число растет от саммита к саммиту за исключением второго саммита БРИКС в 2010 г. в Бразилиа. Количество упоминаний увеличивается от саммита к саммиту за исключением второй встречи лидеров в Бразилиа. Десять организаций, к которым наиболее часто обращается БРИКС, включают ООН с долей упоминаний 28%, «Группу двадцати» – 10,8%, ВТО с почти равной долей в 10,4%, МВФ и ВБ, доли которых составляют 8,8 и 4,2 соответственно, ВОЗ с достаточно высокой долей 8,3% и ЮНКТАД с наименьшей долей в лидирующей десятке – 3,5%. Доля упоминаний собственных институтов БРИКС – Нового банка развития и Пула условных валютных резервов – составляет 5% для каждого.

Для БРИКС характерны два типа взаимодействия с международными организациями: «каталитическое воздействие» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций) и «параллельное управление» (создание собственных механизмов). Начиная с 2012 г. БРИКС ведет работу по созданию собственных институтов, зачастую рассматриваемых как альтернатива существующим элементам международной финансовой системы. В то же время БРИКС практически не использует практикуемую другими неформальными институтами, прежде всего «Группой двадцати», модель взаимодействия, основанную на лидерстве в определении новых приоритетов глобальной повестки дня и стимулировании работы соответствующих организаций по этим приоритетам или модель «управления через многосторонние организации»⁵.

Анализ взаимодействия БРИКС с существующими международными организациями подтверждает гипотезу о том, что выбор участниками объединения модели взаимодействия с международными организациями отражает их место и роль в архитектуре глобального управления, предназначенную их «отцами-основателями» при создании и закреплению в ходе дальнейшей эволюции.

⁵ Полностью результаты апробации представлены в статье: Шелепов А.В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления [Шелепов, 2015].

Заявив о своей приверженности формированию многополярного, справедливого и демократического миропорядка, основанного на международном праве, равенстве, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях всех государств и коллективном принятии ими решений [Лидеры БРИК, 2010, § 2], БРИКС системно делают выбор в пользу взаимодействия с ООН и институтами ООН, одновременно стремясь стимулировать их реформирование. Такое «каталитическое воздействие» нацелено на повышение эффективности как самой деятельности ООН, так и взаимодействия БРИКС с организацией. Данная тенденция закрепились в рамках российского председательства.

Преодоление финансового и экономического кризиса; обеспечение устойчивого, сбалансированного и сильного роста; содействие развитию – ключевые составляющие миссии БРИКС. Реализация этих задач определила признание БРИКС «Группы двадцати» в качестве главного форума международной экономической координации и сотрудничества всех входящих в нее государств и последовательную поддержку решений саммитов «Группы двадцати», направленных на обеспечение инклюзивного роста. В 2015 г. отмечено усиление поддержки БРИКС «Группы двадцати», ослабшей в последние три года.

Приоритетом БРИКС неизменно остается реформа международных финансовых институтов, направленная на обеспечение участия стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран в процессе принятия решений, отражающего их сравнительный вес в мировой экономике. Последовательное обращение БРИКС к МВФ и странам – членам МВФ во всех документах лидеров нацелено на продвижение процесса реформ Бреттон-Вудских институтов и обеспечение их легитимности и эффективности. Однако, учитывая отсутствие результатов «каталитического воздействия», с 2012 г. наблюдается снижение количества обращений к МВФ и Всемирному банку в сопряжении с возрастающим количеством упоминаний НБР. В 2015 г. эта тенденция закрепились.

«Приверженность [БРИКС] сильной, открытой, основанной на правилах многосторонней торговой системе, воплощением которой является Всемирная торговая организация» [Лидеры БРИКС, 2011], нашла отражение в поддержке БРИКС усилий по завершению Дохийского раунда, Соглашения об упрощении процедур международной торговли ВТО и осторожной оценке многосторонних инициатив, которые «противоречат фундаментальным принципам прозрачности, инклюзивности и многосторонности. Подобные инициативы отвлекают членов ВТО от работы по достижению коллективного результата и не решают проблемы дефицита развития, оставшейся с предыдущих раундов переговоров» [Лидеры БРИКС, 2012, § 16]. Кроме того, считая ЮНКТАД центральным элементом системы ООН по вопросам торговли и развития, начиная с саммита в Дели БРИКС неизменно высказываются в поддержку укрепления ЮНКТАД [Лидеры БРИКС, 2015, § 22].

Основой объединения является развитие взаимообогащающего и взаимовыгодного сотрудничества между странами БРИКС, формирование собственной позитивной повестки дня по широкому спектру вопросов. В 2015 г. продолжилось расширение и углубление сотрудничества БРИКС. Начался или намечен к началу диалог по новым сферам политики: промышленности, миграции, занятости, окружающей среде и энергетике. Продолжилось создание новых внутренних механизмов координации, например, рабочей группы по социально значимым рынкам в части конкурентной политики; рабочей группы по вопросам энергоэффективности; Системы обмена базовой сельскохозяйственной информацией стран БРИКС (СОБСИ).

Однако формирование собственных институтов отнюдь не означает стремления БРИКС к замене старых многосторонних организаций на альтернативные и созданию нового фундаментально отличного от традиционной системы порядка, построенного вокруг БРИКС. Одновременно с формированием внутренних механизмов координации БРИКС развивает взаимодействие с профильными международными организациями. В 2015 г. укрепилось взаимодействие с ВОЗ, началось становление сотрудничества с ЮНИДО и МОТ, было поддержано обращенное к НБР предложение тесно сотрудничать с существующими и новыми финансовыми механизмами, в том числе с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций. Заложена основа для диалога с Евразийским экономическим союзом и Шанхайской организацией сотрудничества. Первое в истории БРИКС упоминание ОЭСР в контексте обязательства продолжить сотрудничество по вопросам, относящимся к Плану действий «Группы двадцати»/ОЭСР по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (BEPS) и Общему стандарту отчетности для автоматического обмена налоговой информацией, позволяет предположить, что страны БРИКС готовы использовать экспортный потенциал организации.

Таким образом, создавая собственные новые институты, БРИКС одновременно укрепляет сотрудничество с другими международными организациями. Выбор участниками объединения модели взаимодействия с международными организациями зависит от сферы и этапа становления сотрудничества, специфики организаций, которые они считают наиболее эффективными для достижения своих целей. БРИКС использует две основные модели: модель «каталитического воздействия» и «параллельного управления». Последняя практически тождественна «управлению без международных организаций». Модели не являются взаимоисключающими, но сосуществуют и трансформируются в процессе взаимодействия. Так, с профильными организациями ООН и ВТО взаимодействие развивается по модели «каталитического воздействия» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций), в то время как с «Группой двадцати» отмечается нереализованная тенденция к взаимодействию по модели «управление в союзе с многосторонними организациями». БРИКС не передает мандаты на реализацию коллективных решений многосторонним организациям и не использует модель «управления через многосторонние организации». Форум продолжает работать над созданием и становлением новых институтов, по мере укрепления которых можно прогнозировать включение в практику взаимодействия БРИКС с международными организациями по модели «управления в союзе с многосторонними организациями»⁶.

Литература

Лидеры БРИК (2010) Совместное заявление глав государств и правительств стран – участниц Второго саммита БРИК. 15 апреля. Режим доступа: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/8B8AE397B54634E7C325780900468661> (дата обращения: 16.01.2016).

Лидеры БРИКС (2011) Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС. 14 апреля. Режим доступа: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A> (дата обращения: 16.01.2016).

⁶ Полностью результаты анализа моделей взаимодействия БРИКС с международными институтами в рамках российского председательства будут опубликованы в статье: Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. № 2.

- Лидеры БРИКС (2012) Делийская декларация. 29 марта. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 16.01.2016).
- Лидеры БРИКС (2015) Уфимская декларация. 9 июля. Режим доступа: http://www.brics.mid.ru/bdomp/brics.nsf/Ufa_Declaration_rus.pdf (дата обращения: 16.01.2016).
- Лидеры «Группы двадцати» (2009) Питтсбургский саммит – заявление глав государств «Группы двадцати». 26 сентября. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/300> (дата обращения: 16.01.2016).
- Шелепов А.В. (2015) БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 10. № 4. С. 7–28. Режим доступа: <http://iorj.hse.ru/2015-10-4/168629158.html> (дата обращения: 16.01.2016).
- Bayne N. (2000) *Hanging in There: The G7 and G8 Summit in Maturity and Renewal*. Aldershot: Ashgate.
- Clifton J., Diaz-Fuentes D. (2011) From “Club of the Rich” to “Globalisation a la carte”? Evaluating Reform at the OECD // *Global Policy*. Vol. 2. Issue 3. P. 300–311.
- Drezner D. (2007) *All Politics Is Global: Explaining International Regulatory Regimes*. Princeton: Princeton University Press.
- Egel N. (2015) *Order and Disorder in Today’s Global Order*. Report from Princeton University hosted fifth workshop on global governance. 4–5 June.
- Gnath K., Mildner S.-A., Schmucker C. (2012) *G20, IMF and WTO in Turbulent Times. Legitimacy and Effectiveness Put to the Test*. SWP Research Paper (August). Berlin: German Institute for International and security Affairs. Режим доступа: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2012_RP10_Gnath_mdn_Schmucker.pdf (дата обращения: 11.11.2015).
- Haas R. (2014) *How to Respond to a Disordered World* // *Foreign Affairs*. November – December. P. 70–80.
- Hall P., Taylor R. (1996) *Political Science and the Three Institutionalisms* // *Political Studies*. XLIV. P. 936–957.
- Hampson F.O., Heinbecker P. (2011) *The “New” Multilateralism of the Twenty-First Century* // *Global Governance*. No. 17. P. 300.
- Keohane R.O., Nye J.S. (2001) *Between Centralization and Fragmentation: The Club Model of Multilateral Cooperation and Problems of Democratic Legitimacy*. Harvard University. KSG Working Paper No. 01–004. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.262175> (дата обращения: 16.01.2016).
- Kirton J. (2010) *Multilateral Organizations and G8 Governance: A Framework for Analysis* // *Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World* / J. Kirton, M. Larionova, P. Savona (eds). Farnham: Ashgate.
- Kirton J.J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
- Kokotsis E. (1999) *Keeping International Commitments: Compliance, Credibility and the G7, 1988–1995*. N.Y.: Garland Publishing.
- Kokotsis E., Daniels J. (1999) *G8 Summits and Compliance* // *The G8’s Role in the New Millennium* / M. Hodges, J. Daniels, J. Kirton (eds). Aldershot: Ashgate.
- Larionova M. (2010) *The New Partnership between Multilateral Organizations and the G8* // *Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World* / J. Kirton, M. Larionova, P. Savona (eds). Farnham: Ashgate.
- Putnam R., Bayne N. (1987) *Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits*. L.: Sage Publications.
- Reay M. (2012) *The Flexible Unity of Economics* // *American Journal of Sociology*. Vol. 118. Issue 1. P. 45–48.
- Renard Th. (2015) *Partnerships for Effective Multilateralism? Assessing the Compatibility between EU Bilateralism, (inter-) Regionalism and Multilateralism* // *Cambridge Review of International Affairs*. DOI: 10.1080/09557571.2015.1060691.
- Rosamond B. (2000) *Theories of European Integration*. L.: Palgrave Macmillan.

- Rosenau J.N. (1995) Governance in the Twenty-first Century // Global Governance. Vol. 1. No. 1. P. 13–43.
- Thakur R., Job B., Serrano M., Tussie D. (2014) The Next Phase in the Consolidation and Expansion of Global Governance // Global Governance. Vol. 20. No. 1. P. 1.
- Tsingou E. (2014) Club Governance and the Making of Global Financial Rules // Review of International Political Economy. Vol. 22. Issue 2. P. 225–256. DOI: 10.1080/09692290.2014.890952.
- WEF (2015) Global Risks. WEF Report. Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-risks-2015/executive-summary/> (дата обращения: 11.11.2015).

Приложение 1

Список многосторонних международных организаций, упоминаемых в документах «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС

1. Africa Partnership Forum (Форум африканского партнерства)
2. African Capacity Building Foundation (Фонд укрепления потенциала африканских стран)
3. African Regional Technical Assistance Centre (Региональный центр по технической помощи для Африки)
4. African Union (Африканский союз)
5. Alliance for Green Revolution in Africa (Альянс за зеленую революцию в Африке)
6. Anti-Ballistic Missile Treaty (Договор об ограничении систем противоракетной обороны)
7. Anti-Counterfeiting Trade Agreement (Международное соглашение по борьбе с контрафактной продукцией)
8. ASEAN Centre for Energy (ACE) (Центр энергетики АСЕАН)
9. ASEAN Plus Three Cooperation on Food Security (Сотрудничество в сфере продовольственной безопасности АСЕАН+3)
10. ASEAN Plus Three Emergency Rice Reserve (APTERR) (Чрезвычайный резерв риса АСЕАН+3)
11. ASEAN Rice Trade Forum (Форум АСЕАН по торговле рисом)
12. ASEAN University Network (AUN) (Университетская сеть АСЕАН)
13. Asia and South Pacific Initiative to Reduce Emissions (ASPIRE) (Азиатская и Южно-Тихоокеанская инициатива по снижению выбросов)
14. Asia Forest Partnership (Азиатское лесное партнерство)
15. Asia Pacific Plant Protection Commission (APPPC) (Азиатско-Тихоокеанская комиссия по карантину и защите растений)
16. Asian Nuclear Safety Network (ANSN) (Азиатская сеть ядерной безопасности)
17. Asia-Pacific Economic Cooperation (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество)
18. Asia-Pacific Forestry Commission of the Food and Agriculture Organization of the United Nations (Азиатско-Тихоокеанская комиссия по лесному хозяйству ФАО ООН)

19. Association of Pacific Rim Universities (Ассоциация университетов Азиатско-Тихоокеанского региона)
20. Association of South-East Asia Nations (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии)
21. Bank for International Settlements (Банк международных расчетов)
22. Basel Committee on Banking Supervision (Базельский комитет по банковскому надзору)
23. Biological and Toxin Weapons Convention (Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении)
24. Carbon capture and storage partnership (Партнерство по улавливанию и хранению углерода)
25. Chemical Weapons Convention (Конвенция о запрещении химического оружия)
26. Clean Development Mechanism (Механизм экологически чистого развития)
27. Clean Energy Investment Framework (Инвестиционная рамка для чистой энергетики)
28. Code of Conduct on the Safety and Security of Radioactive Sources (Кодекс поведения по обеспечению безопасности и сохранности радиоактивных источников)
29. Commission on the Status of Women and UN Women (Комиссия по положению женщин ООН)
30. Committee on Payment and Settlement Systems (Комитет по платежным и расчетным системам)
31. Committee on the Global Financial System (Комитет по Глобальной финансовой системе)
32. Community of Independent States (Содружество Независимых Государств)
33. Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний)
34. Consultative Group on International Agricultural Research (Консультативная группа по научным исследованиям в сельском хозяйстве)
35. Coral Triangle Initiative on Coral Reefs, Fisheries and Food Security (СТИ-CFF) (Инициатива стран «Кораллового треугольника» по коралловым рифам, рыбному промыслу и продовольственной безопасности)
36. Council of Europe (Совет Европы)
37. Counter-Terrorism Committee (Контртеррористический комитет)
38. Department for Safety and Security (Департамент по вопросам охраны и безопасности) (ООН)
39. Department of Peacekeeping Operations (Департамент операций по поддержанию мира)
40. East Asia Summit (EAS) (Восточноазиатский саммит)
41. Economic Community of West African States (Экономическое сообщество государств Западной Африки, ЭКОВАС)
42. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA) (Институт экономических исследований АСЕАН и Восточной Азии)
43. Education for All (Образование для всех)
44. Education for Sustainable Development (Образование для устойчивого развития)

45. Energy Charter Treaty (Договор к Энергетической хартии)
46. European Bank for Reconstruction and Development (Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР))
47. Extractive Industries Transparency Initiative (Инициатива прозрачности в добывающих отраслях (ИПДО))
48. Fast Track Initiative (Инициатива по ускорению реализации)
49. Financial Action Task Force (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ))
50. Financial Literacy Measurement Programme for International Students Assessments (PISA) (Программа оценки финансовой грамотности)
51. Financial Stability Board (Совет по финансовой стабильности, СФС)
52. Financial Stability Forum (Форум финансовой стабильности)
53. Fissile Material Cut-Off Treaty (Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов)
54. Food and Agriculture Organization (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН)
55. G20 («Группа двадцати»)
56. Gas Exporting Countries Forum (Форум стран – экспортеров газа)
57. General Agreement on Tariffs and Trade (Генеральное соглашение по тарифам и торговле, ГАТТ)
58. Global Bio-Energy Partnership (Глобальное партнерство по биоэнергетике)
59. Global Business Dialogue on Electronic Commerce (Глобальный бизнес-диалог по вопросам электронной торговли)
60. Global Digital Divide Initiative (Глобальная инициатива по ликвидации электронно-цифрового разрыва)
61. Global Earth Observation System of Systems (Глобальная система наблюдения Земли)
62. Global Environment Facility (Глобальный экологический фонд)
63. Global Food Safety Fund at the World Bank (Глобальный фонд обеспечения продовольственной безопасности Всемирного банка)
64. Global Forum on Agricultural Research (GFAR) (Глобальный форум сельскохозяйственных исследований)
65. Global Fund to Fight AIDS, Tuberculosis and Malaria (Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией)
66. Global Gas Flaring Reduction Partnership (Глобальное партнерство по сокращению объемов сжигаемого попутного нефтяного газа)
67. Global Green Growth Institute (GGGI) (Институт глобального зеленого роста)
68. Global Initiative to Combat Nuclear Terrorism (Глобальная инициатива по борьбе с ядерным терроризмом)
69. Global Nuclear Energy Partnership (Глобальное партнерство в ядерной энергетике)
70. Global Outbreak Alert and Response Network (Глобальная сеть оповещения о вспышках болезней и ответных действий)

71. Global Partnership Against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction (Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения)
72. Global Partnership for Agriculture and Food Security (Глобальное партнерство по сельскому хозяйству, продовольственной безопасности и питанию)
73. Global Partnership for Financial Inclusion (Глобальное партнерство по расширению доступа к финансовым услугам)
74. Global Partnership for Sustainable Development (Глобальное партнерство в целях устойчивого развития)
75. Global Plan to Stop TB (Глобальный План «Остановить ТБ»)
76. Global Polio Eradication Initiative (Глобальная инициатива по ликвидации полиомиелита)
77. Global Research Alliance on Agricultural Greenhouse Gases (GRA) (Глобальный научно-исследовательский альянс по изучению выбросов парниковых газов в результате сельскохозяйственной деятельности)
78. Global Science Forum (Глобальный научный форум)
79. Green Climate Fund (GCF) (Фонд зеленого климата)
80. Hague Conference on Private International Law (HCCH) (Гагская конференция по международному частному праву)
81. Heiligendamm Process (Хайлигендаммский процесс)
82. Infrastructure Consortium for Africa (Инфраструктурный консорциум Африки)
83. Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE) (Институт инженеров электротехники и электроники)
84. Integrated Framework for Trade-Related Technical Assistance (Комплексные рамки технической помощи для мероприятий, связанных с торговлей)
85. Intergovernmental Authority on Development (Межправительственная организация по развитию)
86. Intergovernmental Panel on Climate Change (Межправительственная группа экспертов по изменению климата)
87. Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty (Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности)
88. International Accounting Standards Board (Совет по международным стандартам финансовой отчетности)
89. International Air Transport Association (IATA) (Международная ассоциация воздушного транспорта)
90. International Association of Insurance Supervisors (Международная ассоциация страховых надзоров)
91. International Atomic Energy Agency (Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ))
92. International Bank for Reconstruction and Development (Международный банк реконструкции и развития (МБРР))
93. International Center for Settlement of Investment Disputes (Международный центр по урегулированию инвестиционных споров)

94. International Chamber of Commerce (Международная торговая палата)
95. International Civil Aviation Organization (Международная организация гражданской авиации (ИКАО))
96. International Committee of the Red Cross (Международный комитет Красного Креста)
97. International Competition Network (Международная конкурентная сеть)
98. International Confederation of Free Trade Unions (Международная конфедерация свободных профсоюзов)
99. International Convention for the Safety of Life at Sea (Международная конвенция по охране человеческой жизни на море)
100. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма)
101. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (Международный трибунал по бывшей Югославии)
102. International Development Association (Международная ассоциация развития)
103. International Electrotechnical Commission (IEC) (Международная электротехническая комиссия)
104. International Energy Agency (IEA) (Международное энергетическое агентство)
105. International Energy Forum (IEF) (Международный энергетический форум)
106. International Finance Corporation (Международная финансовая корпорация)
107. International Food Policy Research Institute (IFPRI) (Международный институт исследований продовольственной политики)
108. International Food Safety Authorities Network (INFOSAN) (Международная сеть органов по безопасности продуктов питания)
109. International Fund for Agricultural Development (Международный фонд сельскохозяйственного развития)
110. International Health Partnership (Международное партнерство в сфере здравоохранения)
111. International Labour Organization (Международная организация труда (МОТ))
112. International Maritime Organization (Международная морская организация (ИМО))
113. International Monetary Fund (Международный валютный фонд (МВФ))
114. International Oil Pollution Compensation Convention (Международная конвенция по предотвращению загрязнения моря нефтью)
115. International Organisation of Employers (Международная организация работодателей (МОР))
116. International Organization for Standardization (ISO) (Международная организация по стандартизации)
117. International Organization of Securities Commissions (Международная организация комиссий по ценным бумагам)
118. International Partnership for a Hydrogen Economy (Международное партнерство по водородной экономике)
119. International Partnership for Energy Efficiency Cooperation (Международное партнерство по сотрудничеству в области энергоэффективности)

120. International Renewable Energy Agency (IRENA) (Международное агентство по возобновляемой энергии)
121. International Smart Grid Action Network (ISGAN) (рабочее соглашение Международного энергетического агентства по интеллектуальным сетям)
122. International Strategy for Disaster Reduction (Международная стратегия уменьшения опасности бедствий)
123. International Trade Centre (Международный торговый центр)
124. International Treaty for Plant Genetic Resources for Food and Agriculture (Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства)
125. International Tropical Timber Agreement (Международное соглашение по тропической древесине)
126. International Tropical Timber Organization (ИТТО) (Международная организация по тропической древесине)
127. International Working Group of Sovereign Wealth Funds (Международная рабочая группа по суверенным фондам)
128. International Working Group on Land Transport Security (IWGLTS) (Международная рабочая группа по безопасности наземного транспорта)
129. Investment Climate Facility (Климатический инвестиционный фонд)
130. ITU's Telecommunication Standardization Sector (ITU-T) (Сектор стандартизации электросвязи Международного союза электросвязи)
131. Joint United Nations Programme on HIV and AIDS (Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИДу)
132. Major Economies Forum (MEF) (Форум ведущих экономик)
133. Mediterranean Renewable Energy Partnership (Средиземноморское партнерство в области возобновляемых источников энергии)
134. Missile Technology Control Regime (Режим контроля за ракетными технологиями)
135. Montréal Process on Criteria and Indicators for the Conservation and Sustainable Management of Temperate and Boreal Forests (Монреальский процесс по выработке критериев и индикаторов для сохранения и устойчивого управления умеренных и бореальных лесов)
136. Multilateral Investment Guarantee Agency (Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МИГА))
137. New Partnership for Africa's Development (Новое партнерство в интересах развития Африки (НЕПАД))
138. Non-Proliferation Treaty (Договор о нераспространении ядерного оружия)
139. Nuclear Energy Agency (NEA) (Агентство по ядерной энергии)
140. Nuclear Safety and Security Group (Группы по ядерной и физической безопасности)
141. Nuclear Safety Working Group (Рабочая группа по проблемам ядерной безопасности)
142. Nuclear Suppliers Group (Группа ядерных поставщиков)
143. Office for Disarmament Affairs (Управление по вопросам разоружения)
144. One Village One Product (Одно село – один продукт)

145. Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons (Организация по запрещению химического оружия)
146. Organisation of African Unity (Организация африканского единства)
147. Organization for Security and Co-operation in Europe (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ))
148. Organization of American States (OAS) (Организация американских государств (ОАГ))
149. Organization of Economic Cooperation and Development (Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР))
150. Organization of the Black Sea Economic Cooperation (Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС))
151. Pacific Alliance (Тихоокеанский альянс)
152. Pacific Asia Travel Association (ПАТА) (Азиатско-Тихоокеанская туристская ассоциация (ПАТА))
153. Pacific Economic Cooperation Council (PECC) (Совет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС))
154. Pacific Islands Forum (PIF) (Форум тихоокеанских островов)
155. Proliferation Security Initiative (Инициатива по безопасности в борьбе с распространением ОМУ)
156. Providing for Health Initiative (Инициатива по обеспечению доступа к здравоохранению)
157. Rapid Response Forum (Форум быстрого реагирования)
158. Reducing Emissions from Deforestation and Forest Degradation in Developing Countries (сокращение выбросов, обусловленных обезлесением и деградацией лесов в развивающихся странах)
159. Regional Fisheries Management Organizations (RFMOs) (Региональные организации по управлению рыболовством)
160. Regular Process for Global Reporting and Assessment of the State of the Marine Environment Including Socioeconomic Aspects (United Nations World Ocean Assessment) (Регулярный процесс в рамках ООН в целях глобального представления сообщений и оценки состояния морской среды, включая социально-экономические аспекты)
161. Renewable Energy and Energy Efficiency Partnership (Партнерство в области возобновляемой энергии и энергоэффективности)
162. Renewable Energy Policy Network (Сеть по вопросам политики в области возобновляемой энергетики)
163. Secure and Facilitated International Travel Initiative (Инициатива по безопасному и упрощенному порядку международных поездок)
164. SME Finance Forum (Форум по финансированию МСП)
165. SME Finance Innovation Fund (Фонд по финансированию инновационного развития МСП)
166. South East Asia and China Foot and Mouth Disease (SEACFMD) Campaign (Компания по борьбе с ящуром в Юго-Восточной Азии и Китае)
167. South East Europe Cooperation Initiative (Инициатива сотрудничества в Южной Европе)

168. Southeast Asian Ministers of Education Organization (SEAMEO) (Организация министров образования стран Юго-Восточной Азии)
169. Southern African Development Community (Сообщество развития Юга Африки)
170. Stolen Asset Recovery Initiative (Инициатива по возвращению похищенных активов)
171. Strategic Arms Reduction Treaty (Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений)
172. Strategic Offensive Reductions Treaty (Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов)
173. Treaty on Conventional Armed Forces in Europe (Договор об обычных вооруженных силах в Европе)
174. UN Commission on Narcotic Drugs (Комиссия по наркотическим средствам)
175. United Nations (Организация Объединенных Наций)
176. United Nations Children's Fund (Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ))
177. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL) (Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ))
178. United Nations Commission on Sustainable Development (Комиссия ООН по устойчивому развитию)
179. United Nations Comprehensive Convention on International Terrorism (Всеобъемлющая конвенция ООН о борьбе с международным терроризмом)
180. United Nations Conference on Trade and Development (Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД))
181. United Nations Convention Against Corruption (Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции)
182. United Nations Department of Economic and Social Affairs (Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам)
183. United Nations Development Program (Программа развития ООН)
184. United Nations Economic and Social Council (Экономический и социальный Совет ООН)
185. United Nations Economic Commission for Africa (Экономическая комиссия ООН для Африки (ЭКА))
186. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО))
187. United Nations Energy Program (Программа ООН по энергетике)
188. United Nations Environment Program (Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП))
189. United Nations Forum on Forests (Форум Организации Объединенных Наций по лесам)
190. United Nations Framework Convention on Climate Change (Рамочная конвенция ООН об изменении климата)
191. United Nations General Assembly (Генеральная Ассамблея ООН)
192. United Nations Global Counter Terrorism Strategy (Глобальная контртеррористическая стратегия ООН)

193. United Nations' High-Level Task Force (HLTF) on the Global Food Crisis (Целевая группа ООН высокого уровня по проблеме глобального продовольственного кризиса)
194. United Nations Human Settlements Programme (Программа ООН по населенным пунктам, ООН-Хабитат)
195. United Nations Industrial Development Organization (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО))
196. United Nations International Drug Control Program (Программа ООН по международному контролю над наркотиками)
197. United Nations International Strategy for Disaster Reduction (UNISDR) (Международная стратегия ООН уменьшения опасности бедствий)
198. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (Управление по координации гуманитарных вопросов ООН)
199. United Nations Office on Drugs and Crime (Управление ООН по наркотикам и преступности)
200. United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East (Ближневосточное агентство Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР))
201. United Nations World Tourism Organization (UNWTO) (Всемирная туристская организация при ООН (ЮНВТО))
202. World Bank (Всемирный банк)
203. World Customs Organization (Всемирная таможенная организация)
204. World Economic Forum (Всемирный экономический форум (ВЭФ))
205. World Food Programme (Всемирная продовольственная программа)
206. World Forum for Harmonization of Vehicle Standards (WP.29) of the United Nations Economic Commission for Europe (UNECE) (Всемирный форум по гармонизации правил в области транспортных средств Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН)
207. World Health Organization (Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ))
208. World Intellectual Property Rights Organisation (Всемирная организация интеллектуальной собственности)
209. World Meteorological Organization (Всемирная метеорологическая организация (ВМО))
210. World Organization for Animal Health (OIE) (Всемирная организация здравоохранения животных (МЭБ))
211. World Trade Organization (Всемирная торговая организация (ВТО))
212. World Travel & Tourism Council (WTTC) (Всемирный совет по туризму и путешествиям)

Приложение 2

Список вербальных маркеров, указывающих на соответствующие модели взаимодействия

Управление против многосторонних институтов	Управления в союзе с многосторонними институтами	Управление через многосторонние организации	Управление без многосторонних институтов
<p>Мы учреждаем Мы созываем (конференцию) Мы приняли решение о создании нового партнерства Мы приступили к реализации</p>	<p>Мы должны (будем) привлекать Мы продолжим работать с Мы обязуемся С нашими партнерами Вместе с Партнерство Мы будем работать с При (тесных) консультациях с Мы будем (коллективно) сотрудничать Мы должны обеспечить (исполнение) Мы реализуем (инициативу международной организации) Мы приветствуем одобрение Мы поддерживаем (на постоянной основе) Поддерживая Мы подтверждаем нашу поддержку Сохраняем твердую поддержку Мы обязуемся оказывать поддержку Оказывать содействие В (тесном) сотрудничестве с Мы будем прилагать усилия совместно со всеми нашими партнерами Подписывая и ратифицируя Мы встретились с Мы обязались Обеспечить (техническую и финансовую) помощь Укрепляя и помогая Мы подтверждаем наше обязательство Обеспечить финансирование Мы обеспечили вступление в силу Работая при содействии Мы работаем для (реализации) Работая в поддержку</p>	<p>Мы приветствуем Мы просим Мы призываем Мы поддерживаем (как признание значимости) Мы поддерживаем Мы придаем особое значение Мы с одобрением отмечаем Мы отмечаем Опираясь на (опыт) Мы приглашаем Мы одобряем (Международная организация) должна Мы рассчитываем на... Мы поддерживаем Мы продолжим... посредством Мы создаем Мы принимаем к сведению</p>	<p>Мы просим <i>наших</i> министров Мы сами Коллективно (совместно) и индвидуально...</p>

Assessing Summit Engagement with Other International Organizations in the Process Global Governance¹

M. Larionova

Marina Larionova – PhD, Head, International Organisations Research Institute, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitckaya, 101000 Moscow, Russian Federation; E-mail: mlarionova@hse.ru

Abstract

Recent decades have witnessed dramatic changes all over the world. One major trend is the proliferation and diversification of actors, forums and their arrangements to address global governance challenges, which has led to fragmentation in global governance. However, such contested multilateralism has a positive dimension, as the emergence of informal multilateral institutions claiming a major role in defining the global governance agenda creates alternatives for providing common goods. New arrangements acquire their own actorness and place in the system of global governance. In certain policy areas, there is a clear trend for the new summit institutions' leadership. The most visible recent cases include the Group of 20 (G20), the BRICS group of Brazil, Russia, India, China and South Africa, and the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) forum, with APEC gaining importance regionally and globally. These new informal groupings work on their own agenda. They also engage with established international organizations to steer global governance processes. Taken together, the transformative trends in international relations, the emergence of new actors, tensions between exclusive and inclusive clubs, and demands for the legitimacy and effectiveness of the international institutions define the relevance of the study, systematization and comparative analysis of the effectiveness of this model of cooperation among international institutions. This article builds an analytical framework by undertaking three tasks. It first reviews the key concepts. Second, it argues for a rational choice institutionalist approach. Third, it puts forward a hypothesis for research: to compensate for their inefficiencies, summit institutions engage with other international organizations in a mode they regard most efficient for attainment of their goals. The modes of those institutions' engagement with other international organizations as reflected in the leaders' discourse should thus indicate the role of those institutions in the global governance architecture, which is imputed at their launch and subsequent evolution. The hypothesis further suggests that the "governing in alliance" mode enhances the effectiveness of the summit institutions; however, those institutions' use is not mutually exclusive. The modes of engagement with international institutions coexist in the engagement of informal summit institutions with other international organizations. The choice is defined by the policy area and type of organizations. The article concludes with a case study of BRICS engagement with international institutions. The results confirm that the choice of engagement model reflects the forum's role and place in the global governance architecture. To maximize benefits from cooperation, the BRICS engages with relevant international organizations on agenda priorities at different institutional levels. Two types of engagement are typical for the BRICS: catalytic engagement (exerting an influence for changes in international organizations through endorsement or stimulus, or compelling them to reform) and parallel treatment (creation of the institution's own mechanisms). By establishing new institutions, the BRICS consistently strengthens its cooperation with other international institutions. Its choice of model depends on the policy area, where it is developing cooperation and the perception of the organization's relevance to BRICS objectives. BRICS engagement with United Nations organizations and the World Trade Organization follows the model of catalytic influence, whereas with the G20, BRICS engagement based on the model of governance in alliance with multilateral institutions remained unrealized.

Key words: global governance, informal summit institutions, engagement models, international organizations, efficiency, legitimacy, rational choice theory, G20, BRICS, APEC

¹ The research was carried out with financial support of Russian Humanities Research Foundation within the framework of a research project "Models of international institutions engagement in the process of multi-lateral governance in the areas of macroeconomic policy, financial regulation, international trade, investment and infrastructure", project № 15-07-00022.

References

- Bayne N. (2000) *Hanging in There: The G7 and G8 Summit in Maturity and Renewal*. Aldershot: Ashgate.
- BRIC Leaders (2010) *2nd BRIC Summit of Heads of State and Government: Joint Statement*, 15 April. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/100415-leaders.html> (accessed 16 January 2016).
- BRICS Leaders (2011) *Sanya Declaration*, April 14. Available at: <http://en.kremlin.ru/supplement/907> (accessed 16 January 2016).
- BRICS Leaders (2012) *Fourth Summit: Delhi Declaration and Action Plan*, March 29. Available at: <http://brics.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/68-fourth-summit> (accessed 16 January 2016).
- BRICS Leaders (2015) *VII BRICS Summit: 2015 Ufa Declaration*, 9 July. Available at: http://www.brics.utoronto.ca/docs/150709-ufa-declaration_en.html (accessed 16 January 2016).
- Clifton J., Diaz-Fuentes D. (2011) *From “Club of the Rich” to “Globalisation a la carte”? Evaluating Reform at the OECD*. *Global Policy*, vol. 2, Issue 3, pp. 300–311.
- Drezner D. (2007) *All Politics Is Global: Explaining International Regulatory Regimes*, Princeton: Princeton University Press.
- Egel N. (2015) *Order and Disorder in Today's Global Order*. Report from Princeton University Hosted Fifth Workshop on Global Governance, 4–5 June.
- G20 Leaders (2009) *Leaders' Statement the Pittsburgh Summit*, 24–25 September. Available at: <http://www.oecd.org/g20/meetings/pittsburgh/G20-Pittsburgh-Leaders-Declaration.pdf> (accessed 16 January 2016).
- Gnath K., Mildner S-A., Schmucker C. (2012) *G20, IMF and WTO in Turbulent Times. Legitimacy and Effectiveness Put to the Test*. SWP Research Paper (August). Berlin: German Institute for International and security Affairs. Available at: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2012_RP10_Gnath_mdn_Schmucker.pdf (accessed 11 November 2015).
- Haas R. (2014) How to Respond to a Disordered World. *Foreign Affairs*, November-December, pp. 70–80.
- Hall P., Taylor R. (1996) Political Science and the Three Institutionalisms. *Political Studies*, XLIV, pp. 936–957.
- Hampson F.O., Heinbecker P. (2011) The “New” Multilateralism of the Twenty-First Century. *Global Governance*, no 17, p. 300.
- Keohane R.O., Nye J.S. (2001) Between Centralization and Fragmentation: The Club Model of Multilateral Cooperation and Problems of Democratic Legitimacy. Harvard University. February 2001. KSG Working Paper No 01–004. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.262175> (accessed 16 January 2016).
- Kirton J. (2010) Multilateral Organizations and G8 Governance: A Framework for Analysis. *Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World* (eds. J. Kirton, M. Larionova, P. Savona). Farnham: Ashgate.
- Kirton J.J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
- Kokotsis E. (1999) *Keeping International Commitments: Compliance, Credibility and the G7, 1988–1995*. New York: Garland Publishing.
- Kokotsis E., Daniels J. (1999) G8 Summits and Compliance. *The G8's Role in the New Millennium* (eds. M. Hodges, J. Daniels, J. Kirton). Aldershot: Ashgate.
- Larionova M. (2010) The New Partnership between Multilateral Organizations and the G8. *Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World* (eds. J. Kirton, M. Larionova, P. Savona). Farnham: Ashgate.
- Putnam R., Bayne N. (1987) *Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits*. London: Sage Publications.
- Reay M. (2012) The Flexible Unity of Economics. *American Journal of Sociology*, vol. 118, Issue 1, pp. 45–48.
- Renard Th. (2015) Partnerships for Effective Multilateralism? Assessing the Compatibility between EU Bilateralism, (inter-) Regionalism and Multilateralism. *Cambridge Review of International Affairs*. DOI: 10.1080/09557571.2015.1060691.

- Rosamond B. (2000) *Theories of European Integration*. London: Palgrave Macmillan.
- Rosenau J.N. (1995) Governance in the Twenty-first Century. *Global Governance*, vol. 1, no 1, pp. 13–43.
- Shelepov A. (2015) BRICS and International Institutions: Models of Engagement in Global Governance. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, vol. 10, no 4, pp. 7–24. Available at: <http://iorj.hse.ru/en/2015-10-4/168629158.html> (accessed 16 January 2016).
- Thakur R., Job B., Serrano M., Tussie D. (2014) The Next Phase in the Consolidation and Expansion of Global Governance. *Global Governance*, vol. 20, no 1, p. 1.
- Tsingou E. (2014) Club Governance and the Making of Global Financial Rules. *Review of International Political Economy*, vol. 22, Issue 2, pp. 225–256. DOI:10.1080/09692290.2014.890952.
- WEF (2015) *Global Risks*. WEF Report. Available at: <http://reports.weforum.org/global-risks-2015/executive-summary/> (accessed 11 November 2015).